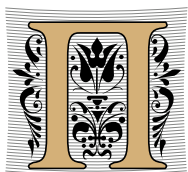

Исторический вестник. 2022. Т. XLI
DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.005

Г.Н. Ланской

ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Проблема выявления и изучения методологических траекторий, выбираемых в качестве отправной точки при формировании нарративного образа состоявшихся фактов и исторического процесса, имеет существенное, междисциплинарное значение. Ее решение требует не только объективного анализа историографических фактов и их классификации по признаку когнитивной направленности, но также применения методов политической науки, нацеленных на изучение генезиса доктрин формирования и реализации различных видов власти. Кроме этого, данная проблема имеет психологическое содержание, поскольку в процессе восприятия и описания прошлого участвуют практически все выявленные к рубежу XIX–XX вв. на основе теории экзистенциализма уровни психологического устройства, присущие и конкретным людям, и социальным общностям.

Так, применительно к образам Российской империи и затем так называемой советской империи, выделение которой в качестве отдельного феноменологического объекта было характерно в первую очередь для английских и американских авторов (включая выдвинутое в 1983 г. президентом США Р. Рейганом понятие «империи зла»), опасение по

поводу возможной экспансии России в Европу распространено почти на архетипном, подсознательном уровне, передаваясь по этой причине из поколения в поколение. В выстраиваемый образ чужого по отношению к англо-американской или, иными словами, англосаксонской цивилизации феномена российской и возродившейся после «полосы» дипломатических признаний середины 1920-х — первой трети 1930-х гг. советской империи вписывалось восприятие всех новых фактов. Из них объектом особого, целеустремленно концентрируемого внимания становились те события, которые либо свидетельствовали об активизации имперских проектов (например, подготовка и реализация заключенных в августе — сентябре 1939 г. соглашений между СССР и Германией), либо свидетельствовали о возможном и затем реальном кризисе государственности и общественной жизни в России. Далее в целом ряде случаев исследователи стремились из отобранных в соответствии с почти подсознательно используемой идеологической доктриной фактов как можно скорее перейти к стадии их обобщения при помощи формулируемых теорий. В частности, именно таким образом возникла формально относящаяся к советскому политическому проекту, но легко переносимая на российскую историю более ранних периодов теория «зыбучих песков», созданная на рубеже 1970–1980-х гг. американским историком и обществоведом М. Левиным¹.

Будучи апробированной применительно к предварительно отобранным фактам развития СССР, она затем была использована своими сторонниками в Северной Америке и Западной Европе для анализа и интерпретации развития Российской империи, примером чему стала опубликованная в 1982 г. монография французского исследователя М. Раеффа². Характерно, что оба названных исследователя были на концептуальном и в существенной мере социокультурном уровне связаны с эмигрантской традицией в зарубежном российеведении еще в являвшемся первым этапом его развития периоде 1920 — 1950-х гг., отличавшемся направленностью в сферу эсхатологических прогнозов.

Совершенно закономерным было то, что доктринально сформированный и отраженный далее в нарративно представленной канве исторических фактов негативный подход к тенденциям усиления и успеш-

¹ *Levin M. La formation du systeme sovietique: Essais sur l'histoire sociale de la Russie dans l'entre-deux-guerre. Paris: Editions Gallimard, 1987. 532 p.*

² *Raeff M. Comprendre l'Ancien Regime russe: Etat et societe en Russie imperial. Paris: Le Seuil, 1982. 258 p.*

ной реализации имперских проектов в России, а также поиск в качестве закономерных явлений фактов кризиса этих тенденций органично становился частью мировоззрения конкретных авторов. Данное явление не только имело историографическое содержание, но и было выражено в целой системе социально-культурных установок. О их распространенности и реализованном применении к интерпретации различных периодов российской истории практически от периода позднего Средневековья до революций и Гражданской войны 1917–1922 гг. свидетельствовало то, что тема исконного и потому закономерного столкновения традиций развития России и «коллективного» Запада оказалась в сфере дискуссии также между отечественными авторами. Применяя цивилизационный подход, характеризующийся максимальной ориентацией на обобщение отобранных для целенаправленного решения концептуально-теоретических задач, они использовали в подготовленных и опубликованных в рубежные для отечественной истории 2000-е гг. работах свойственную прежде всего зарубежному россиеведению дихотомию «Они и Мы».

Так же как в американской, английской и континентально-европейской историографии, в произведениях российских ученых она использовалась в качестве оценочной модели для интерпретации различных исторических фактов и явлений. Применение данной дихотомической опоры представляло собой своего рода метарассказ по отношению к нарративному изложению содержания более или менее известных событий. Сама оценка различных, имевших в рамках повествовательной модели существенное значение фактов зависела от того, считал конкретный ученый западную (западноевропейскую и североамериканскую) практику развития передовой и нуждающейся в заимствовании или же он видел в попытках ее позитивного восприятия (эмпатической аттракции) и далее применения продуктивный, успешный для российской цивилизации потенциал.

Достаточно распространенным, в том числе по причине негативной оценки происходившей в России 1990-х гг. вестернизации, был скептический подход. В соответствии с ним применительно к различным событиям отечественной истории отмечалась невозможность конструктивного использования западной модели развития для реформирования общественной жизни и социальных институтов по причинам, не зависшим от воли и способностей конкретных людей. Так, в частности, по отношению к являвшейся, с точки зрения данного исследователя, продуктом внедрения идей западного революционизма революции 1917 г.

Л.В. Милов констатировал наличие перед ее началом следующей ситуации: «Существеннейший прогресс в развитии пореформенной жизни не мог ликвидировать многовековой пласт исторически объективных наслоений в стране, со времен падения ордынского ига ведущей отчаянную борьбу за выживание. Отсюда проистекало основательное влияние в интеллигентной разночинной среде марксистских и иных, в отдаленной перспективе едва ли не утопических идей революционного преобразования страны, поскольку марксизм, давая метод анализа политэкономии раннего капитализма, никогда не имел готовых рецептов технологии построения нового общества»³.

Схожий объект исследования — российский исторический процесс в целом и применительно к отдельным крупным эпохам (допетровской, российской имперской, советской) — избирали для себя сторонники альтернативного подхода, который с значительной долей условности можно назвать либеральным. Используя ту же дихотомическую модель противопоставления отечественной, почвеннической традиции развития западной, прошедшей по пути преимущественно достигших успеха буржуазно-демократических революций, они также признавали с трудом поддающуюся изменениям архаичность основных сфер развития России. Кроме этого, ими даже в большей степени по сравнению со сторонниками консервативного подхода использовались методологические принципы детерминизма, заключавшегося в определяющем влиянии исконно сложившейся историко-цивилизационной традиции на развитие России, и глобализма, предусматривающего перенос доктринально используемых оценочных характеристик на разные явления ее истории. Выявляемая уже на самом глубинном, психологическом уровне невосприимчивость к практикам развития западного мира и вызванное ею систематическое торможение доступных для восприятия модернизационных моделей, исходящих из Запада, идентифицировались в виде объективной реальности. Данная мировоззренческая установка, возникшая задолго до историографических опытов зарубежного россиеведения второй половины XX — начала XXI в. в сознании целого ряда представителей либерально настроенной интеллигенции (одним из первых среди них был П.Я. Чаадаев), использовалась в качестве глобальной

³ Милов Л.В. Предисловие // История России XX — начала XXI века: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030401 «История» / [Милов Л.В. и др.]; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. С. 7.

объяснительной модели как для отдельных событий истории России, так и для ее хода в целом.

В частности, опыт ее применения в данном когнитивном качестве был реализован бывшим директором Института российской истории РАН А.Н. Сахаровым. В его опубликованной в 2004 г. монографии «Россия. Народ. Правители. Цивилизация» постоянно проявлявшийся разрыв между традиционными чертами государственности и общественных отношений, к которым, как отмечалось выше, относились архаичность и заторможенное, во многих случаях циклическое развитие, и исходившими от имевших различные намерения деятелей реформистскими предложениями использовался в качестве своеобразного рефрена. Для достижения данного эффекта восприятия отечественной истории в различные периоды автор в своей монографии систематически использовал метод перехода в рамках описания одной реформационной линии (например, экономической) от одного исторического периода к другому. Обращаясь к являвшейся в данном случае своеобразным теоретико-методическим камертоном теме генезиса революционных событий 1917 г., А.Н. Сахаров, в частности, писал: «Таким образом, и в начале XX в., несмотря на существенное изменение вектора цивилизационного развития страны, незыблемой оставалась прежняя средневековая российская линия в области социально-экономических отношений: ставка делалась (как и во времена Петра I) на эксплуатацию низов, на небрежение к простому человеку (...) Оставаясь страной с отсталой экономикой, Россия вышла в начале XX в. на траекторию экономического роста в рамках рыночной экономики. При этом можно было бы сделать одну оговорку: страна вступила в XX в. со средневековой ментальностью и руководящей элиты, и предпринимателей, и простого народа, что во многом предопределило социальные катаклизмы того времени»⁴.

Основным аргументом для обоснования тезиса о глобальном распространении на различные периоды и в их рамках события российской истории как до, так и после провозглашенного социалистическим государственным переворота 1917 г. признаков архаичности и заторможенности было выявление в качестве основной причины их происхождения самых основных, базисных по своей сущности элементов устройства России. Речь в данном случае шла о структурной основе

---

⁴ Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 325–326.

общества и социальных отношений, в качестве которой рассматривалось крестьянство. При изучении различных периодов российской истории практически вплоть до событий коллективизации, приведших в связи с движением двадцатипятидесятников и депортацией значительного слоя успешных в экономическом отношении крестьян к радикальному изменению социального устройства сельской жизни, консерватизм политического режима и медленная трансформация жизни крестьянства рассматривались как две системообразующие сферы развития России. В связи с этим зарубежными исследователями выделялось такое специфическое явление, как патернализм социально-аграрной политики. Будучи навязываемым реформистами и добровольно принимаемым преобладавшими сторонниками социально устойчивой государственной власти, он представлял собой достаточно стабильное историческое явление, юридические, административные и практические признаки которого можно обнаружить в самые различные периоды.

Так, с точки зрения традиционно сочетающихся в методологической базе своих трудов социологический и психологический подходы французских исследователей заинтересованность в обеспечении организационной и политической опеки основных категорий трудящегося населения в стране проявляли не только представители правящего класса, но также преобладавшие в досоветской России сельские производители. В частности, М. Конфино писал о наличии постоянной и повсеместно распространенной практики, в соответствии с которой «помещик стремился консолидировать индивидуальную крестьянскую экономическую деятельность для достижения более постоянного дохода со своего владения»⁵. В соответствии с распространенным среди западноевропейских интеллектуалов еще с времен зарождения протестантизма представлением о прогрессивности любых индивидуальных проявлений свободы мысли и действия для демонстрации общей реакционности и недостаточной развитости социальных отношений в России французские авторы стремились выявить наличие патернализма на глобальном уровне. В своих научных и дидактических трудах в качестве магистральной тенденции развития российской истории они видели практику стремления органов государственной власти и соответственно представителей

⁵ *Confino M. Societe et mentalities collectives en Russie sous l'ancien Regime. Paris: Institut d'etudes slaves, 1991. P. 41.*

правлящей элиты установить контроль над происходящими в разных сферах жизни процессами и над их акторами. Сущность политики, проводимой по отношению к управляемым людским ресурсам, при этом в значительной мере сводилась к тому, чтобы найти наиболее значимые с точки зрения планируемого подчинения социальные слои. Об этом в своем обобщающем труде по истории России в досоветский и советский период писал в начале 1970-х гг. французский ученый М. Ларан, констатирующий, что в канун революционных событий 1905 и 1917 гг. руководители органов исполнительной власти пытались «достичь баланса в отношениях с оппозицией и стремились в целях сохранения социального и политического порядка к созданию опоры в лице сельской буржуазии»⁶.

Среди главных социальных факторов сохранения патернализма, становившегося основанием для авторитарного типа политического режима в различные периоды истории России и замедления происходящих по инициативе заинтересованных социальных групп модернизационных процессов, как зарубежные, так и западнически настроенные российские авторы видели сдерживающую роль крестьянства. Тезис о его реакционности и неспособности к активному участию в реформах можно признать постоянным для историографических источников. В частности, в Советском государстве его придерживались сторонники принудительной коллективизации и привязки социально-экономического развития сельских районов к интересам строивших в городах промышленные предприятия и обеспечивавших их развитие представителей пролетарского слоя. Далее во второй половине XX в. данный тезис стал поддерживаться и обосновываться с помощью подбираемых из различных периодов российской истории фактов зарубежными авторами, для которых он в полной мере вписывался в связанные между собой стадийную и модернизационную теории. В постсоветской отечественной историографии присутствует тезис о негативном влиянии представителей крестьянства на целый ряд значимых исторических явлений, определивших, например, судьбу российской государственности. В частности, в тормозящем влиянии на социально-экономические процессы института крестьянской общины видел причину итогового неуспеха Столыпинской аграрной реформы П.Н. Зырянов⁷. К еще более

⁶ Laran M. *Russie — URSS, 1870–1970*. Paris: Masson, 1973. P. 54.

⁷ Зырянов П.Н. *Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг.* М.: Наука, 1994. 256 с.

глобальному выводу пришел в статье, опубликованной в РГГУ на страницах сборника «Судьбы российского крестьянства», Ю.Н. Афанасьев, указывая на то, что именно представители широких слоев крестьянства в силу своих исторически сложившихся психологических и практических качеств по существу девальвировали значение как революционных событий 1917 г., так и усилий ряда представителей правящей элиты их предотвратить. Развивая данный свойственный различным течениям западного россиеведения фундаментальный тезис, он, в частности, подчеркивал: «Если мы посмотрим на Октябрьскую революцию с точки зрения длительной перспективы, 1917 год покажется нам эпизодом, катаклизмом, который вместо того, чтобы радикально изменить социальную жизнь, усилил ее архаичную и традиционную структуру. И это проявлялось независимо от воли людей, их идеалов. Реальной и преобладающей силой 1917 г. было в действительности крестьянство России с его консервативной реакцией, направленной против изменений, происходивших в конце XIX — начале XX в.: распространения частной собственности и роста рыночного производства, т.е. развития того, что мы называем в историческом, а не строго политическом, смысле капиталистической цивилизацией»⁸.

Другой составной чертой формировавшегося образа России как архаичной, имеющей предрасположенность к стагнации, медленно и циклически трансформирующейся страны, практически все исследователи из западных стран называют авторитарное и использующее в качестве основного административного ресурса различные мобилизационные инструменты государство. В частности, применительно к советскому периоду оно представлялось в их работах эффективным исключительно при использовании тоталитарных, называемых в исследованиях либерально-демократической ориентации террористическими, методов управления. Например, один из представителей ревизионистского направления в советологии французский историк Н. Верт видел даже в минимальном, пришедшемся, по его мнению, на период 1953–1954 гг. ослаблении насильственных методов реализации власти перспективу наступления социальных волнений, способных иметь значительные долгосрочные последствия⁹. Но если применительно к развитию СССР вплоть до его предсказывавшегося в зарубежной историо-

⁸ Афанасьев Ю.Н. Предисловие // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. XX–XXI.

⁹ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 444 с.

графии и обусловленного внутренними причинами распада авторы из западных стран концентрировали свое описание на тоталитарных проявлениях функционирования политического режима (в особенности применительно к темам массовых репрессий 1920-х — начала 1950-х гг., идеологической цензуры, борьбы с диссидентским движением), то в отношении Российской империи середины XIX–XX в. акцент делался на неэффективности самой модели управления государством и происходящими на его территории процессами.

В качестве первого признака, относящегося к данному свойству, выделялась неспособность консолидировать вокруг административного аппарата с помощью средств демократической коммуникации устойчивую социальную базу. В частности, по мнению известного английского историка П. Гатрелла, даже являвшие собой максимально возможный в условиях самодержавия уровень либерализма «реформы 1860–1874 гг. не гарантировали ни внутренней стабильности, ни внешней безопасности империи. Любая реформа создавала возможность для новых социальных групп действовать, а для оппозиции критиковать преобразования»¹⁰.

Второй признак заключался, по мнению западных исследователей, в социально-политической отдаленности представителей бюрократического аппарата от нужд и интересов большинства граждан России. Причиной его возникновения, констатировавшей еще в 1870–1880-х гг. сторонниками праволиберального течения российской историографии во главе с Б.Н. Чичериным в рамках теории «закрепощения сословий», было то, что люди, оказавшиеся в данном социальном слое, ориентировались прежде всего на указания деятелей правящей элиты, выполнение которых было для них источником престижа и благосостояния. Как писал известный английский историк Т. Шанин, «слабость российского государственного аппарата была вызвана его природными особенностями. Эффективный путь, которым он деполитизировал русских в течение веков, оставляя социальную базу царизма и прежде всего чиновничества в “одинокую позицию” действующей государственной власти»¹¹.

Наконец, третий, выявлявшийся в английской, а также в американской историографии признак неэффективного российского го-

¹⁰ *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: the last argument of tsarism. Cambridge: Cambridge university press, 1994. P. 13.

¹¹ *Schanin T.* Russia as a developing society: The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. London: Macmillan, 1985. P. 54.

сударства заключался в несовместимости всей институциональной структуры политической власти, в центре которого, по общераспространенному в мировой историографии в целом мнению, находилось самодержавие, с решением задач либерально-демократического развития. С точки зрения западных исследователей, считавших первичным источником успешной модернизации юридическую трансформацию основ российской государственности, не преодолевавшееся какими-либо доступными средствами разделение интересов представителей правящего класса и других социально активных слоев изначально делало какие-либо умеренные конституционные инициативы неэффективными. В этом плане с точки зрения представлявшегося панорамного образа России середины XIX — начала XX в. весьма распространенной среди североамериканских и западноевропейских авторов была его следующая презентация: «Древнее самодержавие, огромная бюрократия, большая многонациональная страна, отсутствие легальных политических партий или профсоюзов, слабый “средний класс” и освобождение крестьян от крепостной зависимости только после 1861 г., — ни один из этих феноменов не говорил о возможности успеха конституционной монархии»¹².

Отмеченные признаки, ассоциировавшиеся практически со всей историей Российского государства и наиболее остро проявившиеся в преддверии и в условиях первой и второй российских революций, вполне очевидно должны были свидетельствовать не только о самом преопределенном социально-политическом кризисе в России.

Они в соответствии со стереотипными представлениями о кардинальных отличиях между отечественной и западной практиками исторического развития должны были указывать на соответствие предусмотренных теорией модернизации, являющейся методологической основой для оценочно-типологических конструкций английской и американской историографии, признаков государства и общества в России не индустриальному, а традиционному типу развития. Исходя из этого делался вывод о том, что именно исторически возникшие, слабо преодолевавшиеся внутренние признаки делали неконкурентоспособной в сфере международной конкуренции внешнюю, а в ее рамках военную и дипломатическую политику Российского государства. В связи с этим основной акцент делался на максимально детальное описание неудачных геополитических кампаний в истории России, в процессе и ре-

¹² *Chmielewski E.* The Fall of the Russian Empire. N.Y.: John Wiley and Sons, 1973. P. 3.

зультатах которых коренился недостаточный экономический и в целом мобилизационный потенциал. В частности, поэтому столь масштабным в количественном отношении является наследие западной историографии, посвященное событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹³, и также придается почти абсолютное, определяющее значение истории Крымской войны 1853–1856 гг. для отражения уровня и перспектив развития Российского государства¹⁴.

Следует отметить, что, несмотря на различия в идеологических приоритетах развития России и стран западного мира в 1960–1980-х гг., советские историки в своих фундаментальных по сравнению с содержанием большинства зарубежных историографических источников исследованиях, по существу, давали российскому политическому и общественному устройству второй половины XIX — начала XX в. те же оценки, что и американские, английские, французские авторы. В частности, они были представлены в таких значительных трудах, как опубликованная в 1975 г. книга выдающегося историка-государствоведа Н.П. Ерошкина¹⁵ и изданный в 1984 г. коллективный труд ленинградских историков¹⁶, ставший итогом их многолетних, в особенности архивных исследований. Одним из ключевых для презентации содержащихся в ней теоретических положений стал следующий тезис, выдвинутый В.С. Дякиным: «Развитие буржуазных отношений в деревне было не самодовлеющей целью столыпинской реформы, а средством создания новой социальной опоры царизма, Поэтому, снимая часть рогов на пути капиталистического прогресса в сельском хозяйстве, царизм не отказывался от традиционного стремления регулировать социально-экономические процессы в деревне, удерживая их на желательной ему стадии... Еще не успев создать крестьянина-собственника, царизм уже планировал ограничение его права распоряжаться своей собственностью, стремясь насадить не просто “крепкого” крестьянина, а в некотором смысле крестьянина, “крепкого земле”. Столыпинская реформа, одной рукой открывавшая путь капитализму в сельское хозяйство, а другой пытавшаяся его закрыть, преследовавшая цель создать

¹³ Warner D., Warner P. *The Tide at Sunrise: A history of the Russo-Japanese War*. N.Y.: Charterhouse, 1974. 627 p.

¹⁴ Laran M., Van Regemorter J.-L. *Russie — URSS, 1870–1984*. Paris: Masson, 1986. 353 p.

¹⁵ Ерошкин Н.П. *Самодержавие накануне краха*. М.: Просвещение, 1975. 160 с.

¹⁶ Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / [Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др.; редкол. В.С. Дякин (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1984. 664 с.

и законсервировать мелкого земельного собственника, была очередной и последней реакционной утопией царизма в аграрном вопросе»¹⁷. Таким образом, в соответствии с базовым представлением об авторитарности и чуждости интересам большей и притом ключевой по своей исторической роли части населения России, какой в начале XX в. оставалось крестьянство, даже крупнейшему модернизационному проекту, которым являлась аграрная реформа 1906 г. — начала 1917 г., изначально давалась негативная оценка.

В целом представляется очевидным, что при целенаправленном внимании исследователей к отдельным событиям российской истории в североамериканской, британской и западноевропейской историографии на протяжении десятилетий сформирован ее образ как глобального явления. Он состоит из характеристик, относимых к различным явлениям прошлого, и в силу телеологичности, основанной на идеологических доктринах, переносится на оценку, а также прогнозирование продолжающегося в наши дни развития России. К ним относятся утверждения об архаичности социальных отношений, институциональных и идеологических оснований в российской истории; отсталости и консерватизме значительных слоев населения, которые могут быть даже противоположны друг другу по мотивации (крестьянство и бюрократия) и при этом сближены благодаря скептическому или в лучшем случае пассивному отношению к демократическим процессам. Данные характеристики скрепляются и как бы прирастают на протяжении веков к России по причине авторитарности политического режима и стремления его хранителей всеми средствами защитить его в том числе в ущерб социально активным гражданам, которые при выдвижении в качестве эталона развития модели буржуазно-демократической эволюции, ассоциируемой с западным миром, делают перспективы российской истории безнадежными. В частности, данная оценка переносится и на перспективы геополитического соперничества нашей страны с североамериканскими и западноевропейскими государствами, вследствие чего исследователи концентрируют свое внимание или на военно-дипломатических неудачах России и далее Советского Союза, или на той, предрекаемой к исчерпанию мобилизационной базе, благодаря которой обеспечиваются отдельные достижения.

¹⁷ Дякин В.С. Третьеиюньская монархия // Кризис самодержавия в России. С. 355–356.

Характерным является тот факт, что как советские, так и российские историки, придерживавшиеся во времена существования СССР марксистской методологии и ставшие в достаточно большой своей части в постсоветский период сторонниками либеральных, западных идей, часто приходят к тем же выводам о глобальных характеристиках российской истории, что и их западные коллеги. Не случайно в условиях оказавшегося иллюзорным окончания «холодной войны», датированного концом 1980-х — серединой 2000-х гг., многие специалисты говорили о наличии мировой научной историографии развития России, не разделенной теоретико-методологическими барьерами. Поскольку представленные в отечественном и зарубежном россиеведении скептические оценки российской истории имеют циклический и чрезвычайно устойчивый характер, очевидной становится необходимость отделения реконструируемого при помощи документальных источников реального процесса развития нашей страны от тех по определению субъективных интерпретаций, которые обращаются к нему с различной степенью методического профессионализма.

REFERENCES

1. *Afanasyev Yu. N.* Predisloviye // *Sudby rossiyskogo krestyanstva / pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva.* M.: RGGU, 1995. P. III–XXVI.
2. *Verth N.* Terror I besporyadok. Stalinism kak sistema. M.: ROSSPEN, Fond Pervogo Presidenta B.N. Yeltsina, 2010. 444 p.
3. *Chmielewski E.* The Fall of the Russian Empire. N.Y.: John Wiley and Sons, 1973. 210 p.
4. *Confino M.* Societe et mentalities collectives en Russie sous l`Ancien Regime. Paris: Institut d`etudes slaves, 1991. 432 p.
5. *Dyakin V.S.* Tretyeyun`skaya monarhiya // *Krizis samoderzhaviya v Rossii.* L.: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1984. P. 327–543.
6. *Zyryanov P.N.* Krestyanskaya obshina Yevropeyskoy Rossii, 1907–1914. M.: Nauka, 1994. 256 p.
7. *Yeroshkin N.P.* Samoderzhaviye nakanune kraha. M.: Prosveshenie, 1975. 160 p.
8. *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: the last argument of tsarism. Cambridge: Cambridge university press, 1994. 399 p.
9. *Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917 / [B.V. Anan`ich, R.Sh. Ganelin, B.B. Dubentsov and oth.: redcol. V.S. Dyakin (resp. red.) and oth.].* L.: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1984. 664 p.
10. *Laran M.* Russie — URSS, 1870–1970. Paris: Masson, 1973. 336 p.
11. *Laran M., Van Regemorter J.-L.* Russie — URSS, 1870–1984. Paris: Masson, 1986. 353 p.
12. *Levin M.* La formation du systeme sovietique: Essais sur l`histoire sociale de la Russie dans l`entre-deux-guerre. Paris: Editions Gallimard, 1987. 532 p.
13. *Milov L.V.* Predisloviye // *Istoriya Rossii XX — nachala XXI veka: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushihsiya po spetsial`nosti 030401 «Istoriya» / [Milov L.V. and oth.]; pod redaktsiyei L.V. Milova.* M.: Eksmo, 2006. P. 3–13.
14. *Raeff M.* Comprendre l`Ancien Regime russe: Etat et societe en Russie imperial. Paris: Le Seuil, 1982. 258 p.

15. *Sakharov A.N.* Rossiya. Narod. Praviteli. Tsivilisatsiya. M.: IRI RAN, 2004. 957 p.
16. *Schanin T.* Russia as a developing society: The Roots of Otherness: Russia`s Turn of Century. London: Macmillan, 1985. 268 p.
17. *Warner D., Warner P.* The Tide at Sunrise: A history of the Russo-Japanese War. N.Y.: Charterhouse, 1974. 627 p.

Ключевые слова:

историография, российская история, идеология, научные исследования, концепция, интерпретация, государство, общество, политический режим, бюрократия, крестьянство, управление.

Grigoriy N. Lanskoj

HISTORY OF RUSSIA AS OBJECT OF GLOBAL METHODOLOGICAL STUDY: DIRECTIONS OF SCIENTIFIC ATTRACTION

The article is devoted to definition and analysis of global features of Russian history as presented in American, British, French and partly in Domestic scientific historiography. The novelty of current research is determined by three aspects. First — it is based on a comparative study of works of Russian and foreign historians. Second — as a subject of research the author examines all history of Russia without separation on periods — for example pre-revolutionary, soviet and post-soviet. Third — on particular examples is shown a typical for many historiographical sources synthesis of scientific approach and ideological views on content and perspectives of development of Russian state and society. As a result to that thorough research the author stresses the necessity of separation of the real Russian history based on documentary sources and systematic subjectively determined interpretations.

Keywords: historiography, Russian history, ideology, scientific studies, stereotypes, conception, interpretation, state, society, political regime, bureaucracy, peasantry, management.

Grigory N. Lanskoj — D.Sc. (History), professor in department of External Policy and Foreign Regional Study at the faculty of International Relations and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения Российского
государственного гуманитарного университета